

Terra Economicus, 2022, 20(2), 99–110

DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-99-110

Социальное инвестирование: проблемы и стратегии развития

Бородкина Ольга Ивановна

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, e-mail: oiborodkina@gmail.com

Старшинова Алевтина Викторовна

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, e-mail: a.v.starshinova@urfu.ru

Архипова Елена Борисовна

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, e-mail: dttjj@inbox.ru

Цитирование: Бородкина О.И., Старшинова А.В., Архипова Е.Б. (2022). Социальное инвестирование: проблемы и стратегии развития. *Terra Economicus* 20(2), 99–110. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-99-110

В статье представлены результаты социологического исследования, посвященного изучению экспертного мнения о новом направлении государственной политики социального инвестирования. Проведен экспертный опрос представителей российских регионов (n = 160), участвующих в производстве социальных услуг: специалистов и руководителей государственных социальных учреждений, некоммерческих организаций, а также социальных предпринимателей и представителей региональных министерств. Новый подход в социальной политике как результат происходящей трансформации социального государства, характеризуя движение от социального потребления (обеспечения) к социальному инвестированию, инициирован федеральным центром и реализуется в регионах местными органами управления путем вовлечения в производство общественных благ некоммерческих и коммерческих исполнителей. Анализ мнений экспертного сообщества позволил выявить основные факторы, которые могут способствовать развитию некоммерческого сектора социальных услуг и социально-предпринимательской деятельности. Государство и местные органы управления рассматриваются экспертами в качестве основного инвестора, а финансовые инвестиции в форме бюджетных субсидий и грантов являются наиболее ожидаемыми формами для решения региональных социальных вопросов. Среди наиболее востребованных направлений социального инвестирования в целях развития новых поставщиков социальных услуг выделены инфраструктурные и кадровые инвестиции. По мнению участников опроса, приоритетными сферами социально-предпринимательской деятельности и инвестирования являются сферы, способствующие возвращению «проблемных» социальных групп на рынок труда, инвестиции в будущее – детей, молодежь, а также вклад в будущее взрослых и старшего поколения – здоровье, активное долголетие. Социальное инвестирование рассматривается участниками опроса как стратегия социального развития регионов, основанная на достижении социальных целей в сочетании с экономическими результатами. Отсутствие интереса к новому виду предпринимательства среди жителей регионов, включая частных инвесторов, и слабая заинтересованность местных органов управления рассматриваются профессиональным сообществом как риски политики социального инвестирования и предпринимательства в сфере социального обслуживания.

Ключевые слова: социальное государство; социальное инвестирование; социальные предприниматели; НКО; социальные услуги; эксперты

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 19–18–00246 «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг», реализуемого в СПбГУ.

Social investment: Problems and development strategies

Olga I. Borodkina

Saint Petersburg State University, Russia, e-mail: oiborodkina@gmail.com

Alevtina V. Starshinova

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, email: a.v.starshinova@urfu.ru

Elena B. Arkhipova

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, e-mail: dtjj@inbox.ru

Citation: Borodkina O.I., Starshinova A.V., Arkhipova E.B. (2022). Social investment: Problems and development strategies. *Terra Economicus* 20(2), 99–110 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-99-110

We present the findings of a survey aimed at identifying expert opinions about social investment policies. Our sample includes respondents from Russian regions (n = 160) involved in the production of social services – specialists and heads of state social institutions, non-profit organizations, social entrepreneurs, and authorities. Research findings suggest key factors that might contribute to the development of non-profit sector of social services and social entrepreneurship. The state and local governments are considered by experts as the main investors, while financial investments in the form of budget subsidies and grants are the most anticipated forms for solving regional social issues. Investing in infrastructure and personnel is among the most popular areas for social investment related to the development of new suppliers. According to the respondents, the priority spheres for social entrepreneurship are investments to children, youth, health, and active longevity. The survey participants view social investment as a strategy for the social development of regions based on the achievement of social goals combined with economic results. The professional community considers the lack of interest in the new type of entrepreneurship among residents of the regions, including private investors, and the weak interest of local governments as risks for social investment policy and social entrepreneurship.

Keywords: welfare state; social investment; social entrepreneurs; NGOs; social services; experts

Funding: The research is prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project № 19-18-00246 “Challenges of transformation of the welfare state in Russia: Institutional changes, social investment, digitalization of social services”, implemented at St. Petersburg State University.

JEL codes: I31, I38, I380

Введение

В современном обществе социальное обеспечение и социальное обслуживание как механизмы решения социальных проблем все больше предполагают развитие подходов, ориентированных на социальное предпринимательство и социальное инвестирование. Традиционная социальная политика формировалась в рамках классической теории социального государства с такими ключевыми характеристиками, как социальная справедливость, общественная солидарность, социальная ответственность и социальное партнерство. Воплощение этих принципов в жизнь оказало влияние на формирование перераспределительных механизмов общественных благ в виде созданных систем социального обеспечения на основе социального страхования и социальной помощи, в которых значительную долю составляют бюджетные средства.

Смена идеологических приоритетов на практике предполагала, что способом достижения благосостояния становится не столько социальное обеспечение, сколько развитие социальных сервисов, направленных на расширение возможностей граждан к самостоятельности, большей независимости от системы социального обеспечения, повышение способностей к саморазвитию. Вложение ресурсов в развитие системы социальных услуг становится одним из приоритетных направлений, затрагивающих изменения в системах общественного благосостояния.

Вопрос о необходимости развития социального инвестирования как механизма роста социального благосостояния обсуждается в России относительно недавно. В странах Евросоюза социальное инвестирование включили в повестку дня значительно раньше. Несмотря на существенные различия между государствами-членами ЕС, все они сталкиваются со структурными, социальными и демографическими проблемами; и те, кто перешел к модели роста, включающей социальные инвестиции в социальную политику на раннем этапе, последовательно и до экономического кризиса, показали большой рост, в том числе не только в экономических категориях, но и в показателях социальной инклюзии (Bakker and van Viet, 2021).

Обозначенные подходы нашли отражение в Лиссабонской декларации (2000 г.) Евросоюза и ОБСЕ о преобразовании экономики входящих в них государств на основе интеграции экономических и социальных целей, а затем были конкретизированы в последующей стратегии десятилетия EU2020 (2010 г.). Преобразования предусматривали распространение различных стратегий и моделей социального инвестирования, сочетающих предоставление финансовых ресурсов с необходимостью их отдачи (возврата) при решении социальных проблем и удовлетворении социальных запросов населения (Deeming and Smyth, 2015). В 2013 году Комиссия ЕС приняла специальное обращение к Европейскому парламенту «На пути к социальным инвестициям для роста и сплоченности, включая реализацию Европейского социального фонда на 2014–2020 гг.». В этом документе был обозначен «новый подход», который предполагал инвестирование в социальную политику, услуги и денежные пособия, одновременно активизирующие и расширяющие возможности трудовой занятости. В частности, Комиссия настоятельно призывала государства-члены ЕС инвестировать «в распределение ресурсов путем оказания большего внимания таким стратегиям, как уход за детьми, образование, профессиональная подготовка, активная политика на рынке труда, жилищная поддержка, реабилитация и медицинские услуги»¹.

Переход «от политики затрат» к политике социального инвестирования характеризует и российскую современную социальную политику, формирование которой предпринимает государство в последнее десятилетие². Отказываясь от доминирующей роли в сфере социальной защиты граждан, государство апеллирует к гражданскому обществу в лице некоммерческих организаций и бизнеса, создавая условия для их участия в исполнении ряда социальных функций, ранее принадлежавших исключительно государству (Старшинова, Бородкина, 2020). Для достижения поставленных целей российским государством сформирована нормативно-правовая база для поддержки негосударственных производителей социальных услуг (Беневоленский, Шмулевич, 2013) и развития социального инвестирования. Социальное инвестирование ориентируется на развитие инвестиций в объекты социальной сферы, создавая возможности для активизации ресурсов самих граждан по преодолению трудных жизненных обстоятельств в процессе своей жизнедеятельности. Формирующаяся отечественная инвестиционная практика первоначально затрагивала преимущественно экономическую сферу, но по мере развития новых социально-экономических отношений социальная сфера становится перспективной для инвестиционной деятельности. Возможности реализации государством

¹ *Towards social investment for growth and cohesion – Including implementing the European Social Fund 2014–2020* (2013). Communication from the Commission to the Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Region. Brussels: European Commission, pp. 9–10.

² Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».

новых подходов в социальной политике существенно расширились с принятием в 2015 г. закона о государственно-частном, муниципально-частном партнерстве³, открывающем бизнесу доступ в сферу создания общественных благ, которая прежде была исключительно прерогативой государства. Сфера социальных услуг вошла в число приоритетных целей национального развития. В частности, в президентский указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»⁴ включен федеральный проект «Модернизация сферы социального обслуживания и развитие сектора негосударственных организаций в сфере оказания социальных услуг», реализация которого предполагает государственную поддержку социально ориентированных некоммерческих организаций.

Одним из ключевых вопросов исследования институциональных изменений в сфере социального обслуживания населения является вопрос об отношении к происходящим изменениям самих участников новой инвестиционной политики. Этот вопрос, а именно как в регионах воспринимают и понимают новую социальную политику, проводимую российским государством в сфере социального обслуживания, находится в фокусе настоящего исследования. Изучение данного аспекта имеет особую значимость, поскольку по традиции инициатива идет «сверху», от органов управления федерального уровня. Анализ экспертных мнений дает возможность составить представление об ожидаемой модели социального инвестирования основными акторами современной социальной политики.

Теоретические предпосылки исследования

Политика социального инвестирования формировалась в результате поиска «третьего пути» (Giddens, 2000) после кризиса, охватившего социальные государства в 1980-е гг., и была продиктована необходимостью достижения определенного баланса между рыночным характером экономического развития и сохранением сложившихся во второй половине XX столетия сильных систем социальной защиты граждан в государствах всеобщего благосостояния (Esping-Andersen, 1996; Esping-Andersen et al., 2002; Taylor-Gooby, 2004). Подход, связанный с социальным инвестированием, рассматривался как средство преодоления новых социальных рисков и предполагал перераспределение расходов от пассивных денежных трансферов к расходам на активизацию и расширение возможностей граждан. Другими словами, в фокусе внимания оказалось инвестирование в человеческий капитал, в том числе через образование детей, непрерывное образование взрослых, развитие рынка труда (Esping-Andersen et al., 2002; Bonoli and Natali, 2012; Morel et al., 2012; Bakker and van Vliet, 2021). При этом многие исследователи (Morel et al., 2012) полагают, что развитие социального инвестирования в социальной политике неизбежно подчиняет ее экономическим целям; с этим тезисом была связана основная критика данного подхода. Социальное инвестирование сравнивали с неолиберальным подходом в социальной сфере, в рамках которого особое внимание уделяется рыночным механизмам (Perkins et al., 2004; Ahn and Kim, 2015). В то же время сторонники социального инвестирования позиционировали его «как элемент “постнеолиберального консенсуса”, направленного на воссоединение рынка с социальными целями. Центральный вопрос в этих дебатах касался продуктивного или экономического вклада социальной политики. Именно претензия на его продуктивную ценность отличала повестку социальных инвестиций от защитников государства всеобщего благосостояния, с одной стороны, и неолиберальных экономистов – с другой» (Smyth and Deeming, 2016: 674).

Последовательное развитие теоретических подходов к социальному инвестированию способствовало изменению концептуальных и идейных основ социального государства, снижая присущий ему патернализм и усиливая собственную ответственность граждан за свое благосостояние (Nemerijck, 2013; Rosanvallon, 1997). Меняющаяся идеология нацеливала на принципиальные изменения политики уравнительного распределения дотаций нуждающимся в помощи слоям населения, ориентируя государство на переход к политике стимулирования экономической и социальной активности граждан. Социальные инвестиции стали рассматриваться как инструменты, которые могут обеспечить благосостояние и экономический рост. Иначе говоря, социальные инвестиции понимались как форма государственных расходов, которая одновременно направлена на решение социальных проблем и повышение экономических показателей (Ahn and Kim, 2015; Morel et al., 2012).

³ Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁴ Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Переход от социальной политики государства к политике социального инвестирования приводит к преобразованию пассивно обеспечивающего государства в государство, которое стимулирует личную активность и ответственность, поощряет стремление граждан к трудовой занятости. Иными словами, имеет место переход от парадигмы социального потребления к парадигме социальных инвестиций, которые понимаются как активный, а не пассивный способ социальной защиты (Patel et al., 2013; Taylor-Gooby, 2008; Umbach and Tkalec, 2021). Как подчеркивали Дженсон и Мартин, «социальная политика больше должна фокусироваться не на “пассивной” защите людей от опасностей рынка с помощью денежных льгот, а скорее на подготовке или “расширении возможностей” людей, чтобы максимально интегрировать их в рынок» (Jenson and Martin, 2003).

Концепция человеческих возможностей (Sen, 1993) находится в непосредственной связи с обозначенными идеями, поскольку происходящие преобразования создают условия для выбора и возможности личностного развития. Современная социальная политика должна быть ориентирована на вложения в подрастающие поколения, активное долголетие, непрерывное образование, повышение квалификации и переобучение, необходимое в эпоху цифрового общественного развития. При этом государство достаточно активно апеллирует к гражданскому обществу в лице некоммерческих организаций и бизнеса, создавая условия для их участия в исполнении ряда социальных функций, ранее принадлежавших исключительно государству (Старшинова, Бородкина, 2020). Инвестиционная деятельность государства, таким образом, становится функцией государственной социальной политики (Тихонова, 2019), обеспечивающей качество человеческого потенциала населения страны, а также сохранение и наращивание социального капитала общества (Guliyeva et al., 2019; Коулман, 2001: 124), важным компонентом которого выступает доверие акторов социального взаимодействия (Фукуяма, 2008). Последнее обстоятельство приобретает особое значение в условиях всеобщего институционального недоверия российских граждан (Лапин, 2016; Сасаки и др., 2010), формируя запрос на изучение общественного и экспертного мнения о новой социальной политике, принимаемой по инициативе федеральных органов управления, особенно мнения тех, кому эту политику предстоит осуществлять. Внимания также требуют и потенциальные риски социального инвестирования, о которых говорят исследователи. Перспектива социальных инвестиций порождает серьезные риски, в частности, когда речь идет о социальной защите уязвимых групп общества (инвалидов и лиц, осуществляющих за ними уход, детей из бедных семей и др.), а также новые формы неравенства, в числе которых ограничения или даже утрата некоторыми социальными группами доступа к социальной защите (Cantillon and van Lancker, 2013; Тихонова, 2019; Соболева, Чубарова, 2017; Taylor-Gooby, 2004). В этой ситуации позиция непосредственных участников происходящих изменений в сфере социальных услуг нуждается в исследовании и может быть принята во внимание в целях снижения потенциальных рисков.

Методы исследования

Социологическое исследование социального инвестирования проводилось в 2020–2021 гг. Основным методом сбора данных стал экспертный онлайн-опрос, цель которого состояла в том, чтобы выяснить понимание политики социального инвестирования и социального предпринимательства основными субъектами социального обслуживания – поставщиками социальных услуг и представителями региональных органов управления. Рассылка онлайн-анкеты осуществлялась преимущественно через реестры поставщиков социальных услуг, включающих государственные учреждения, некоммерческие и коммерческие организации, осуществляющие социальное обслуживание в различных субъектах Российской Федерации. Целевая выборка составила 160 экспертов из 7 федеральных округов РФ (Северо-Западный, Северо-Кавказский, Центральный, Дальневосточный, Приволжский, Уральский и Сибирский), что позволило достичь статистического разнообразия и зафиксировать основные тенденции по тематике исследования. В соответствии со структурой реестров поставщиков социальных услуг 65,0% от всей выборки составили представители государственных учреждений, 23,1% – представители некоммерческих организаций, 4,4% – социальные предприниматели, в том числе коммерческие организации, 7,5% – представители региональных министерств социальной политики.

Абсолютное большинство экспертов составили женщины – 90,0%; основная возрастная группа – 36–54 лет (61,9%). 88,8% опрошенных имеют высшее образование, 80% являются сотрудниками учреждений, расположенных в городах различного уровня. Ключевыми индикаторами оценки экспертного мнения выступили уровень информированности о содержании политики социального инвестирования, представления о приоритетных направлениях и формах социального инвестирования, понимание роли и места НКО и социального предпринимательства в системе социального обслуживания.

Результаты экспертного опроса

Цели и задачи социального инвестирования

В ходе изучения мнения экспертов, наряду с общим пониманием ими государственной политики социального инвестирования, мы получили возможность выяснить их представления о социальном инвестировании в сферу социальных услуг, что являлось основным предметом нашего исследования. В этой области определились несколько основных направлений. Прежде всего, речь шла об инвестировании в развитие производителей социальных услуг – некоммерческих организаций, социальных предприятий, которые сегодня уже включены в региональные реестры поставщиков социальных услуг. Во-вторых, рассматривались инвестиции в различные социальные проекты и программы, социальные предприятия, повышающие возможности жителей региона, включая нуждающихся в помощи людей, к самостоятельному решению возникающих проблем. И наконец, рассматривалось инвестирование любых видов социального предпринимательства, чья деятельность не ограничивается лишь сферой социального обслуживания и ориентирована на решение широкого круга социальных проблем, способствует улучшению условий жизни населения региона в целом. Таким образом, результаты опроса позволили определить, насколько в представлениях экспертов политика социального инвестирования ассоциируется с инвестициями в «человеческий капитал», охватывая направления, расширяющие возможности людей к занятости, образованию, повышению квалификации и профессиональной переподготовке, поддержке семей с акцентом на услугах, позволяющих включаться в экономические отношения трудоспособным гражданам.

Одно из исследовательских предположений состояло в том, что представления о целях и содержании политики социального инвестирования на региональном уровне во многом формируются под влиянием обсуждений данной темы в региональных масс-медиа, в ходе знакомства представителей гражданского общества с соответствующими программами региональных органов управления, их презентации местному сообществу, т.е. в ходе общественной дискуссии или информационной кампании, которые свидетельствуют об актуальности обозначенной темы для региональной повестки. Полученные данные демонстрируют, что информированной о проведении региональными органами управления политики социального инвестирования оказалась треть участников экспертного опроса (30,6%), и чуть более половины экспертов имеют общие представления о региональной политике социального инвестирования (51,9%). Эти результаты вполне соотносятся с полученными эмпирическими данными о понимании целей и содержания социально-инвестиционной политики: 75,6% респондентов дали положительный ответ (эта группа объединяет ответы «да, понимаю» и «скорее да, понимаю» и включает участвующих в опросе представителей органов управления). Основные причины перехода к политике социального инвестирования эксперты усматривают (в порядке убывания значимости) в необходимости: (1) повышать эффективность государственной социальной политики на региональном уровне (80,9%); (2) стимулировать активность граждан к самостоятельному обеспечению своих социальных потребностей (47,1%); (3) ускорять развитие рыночных отношений посредством стимулирования различных видов предпринимательской деятельности граждан (30,6%); (4) снижать расходы государства на социальные нужды (27,4%); (5) преодолевать патерналистские установки россиян (19,7%). При этом заслуживает внимания позиция представителей НКО, которые чаще других групп декларируют необходимость повышения эффективности социальной политики посредством развития социального инвестирования (91,9% респондентов из НКО указали эту задачу), но при этом в меньшей степени, чем эксперты из государственного сектора, связывают его с сокращением расходов государства и преодолением патерналистских настроений граждан (18,9% респондентов из НКО и 31,4% респондентов из государственных учреждений выделили эту причину социального инвестирования). Очевидно, эта позиция связана с тем, что в последние годы именно государственная поддержка в виде субсидий, грантов становится основным источником финансирования некоммерческого сектора в сфере социального обслуживания.

Субъекты социального инвестирования

В качестве главного субъекта социального инвестирования подавляющим большинством экспертов признано государство / региональная власть (89,9%). Половина опрошенных считают таковыми государственно-частные / муниципально-частные фонды, аккумулирующие необходимые для инвестирования средства (47,2%), третье по значимости место отведено бизнесу в лице крупных частных компаний (35,8%). Меньше всего политику социального инвестирования сегодня эксперты связывают

с возможностями частных специализированных фондов (19,5%) и в наименьшей степени – со средним и малым бизнесом (в обоих случаях – 6,3%). При этом важно отметить, что в этом вопросе мнение экспертов из государственного и негосударственного секторов практически совпадают (см. рис. 1).

В то же время с точки зрения должного (ожидаемого) представления об основных инвесторах позиции экспертов поменялись; вторую по значимости позицию после государства (87,4%) занял крупный бизнес (52,2%), и уже затем – государственно-частные / муниципально-частные фонды (48,4%). Признавая государство в качестве основного субъекта социального инвестирования, большинство респондентов одновременно указали на необходимость усиления контроля за деятельностью новых исполнителей социальных услуг в случае, если они будут получать бюджетные инвестиции для своего развития и выполнения новых социальных функций (61,0%). Ожидается, за усиление контроля больше всего высказались представители государственного сектора, и в меньшей степени эту позицию поддержали представители НКО и социальные предприниматели.

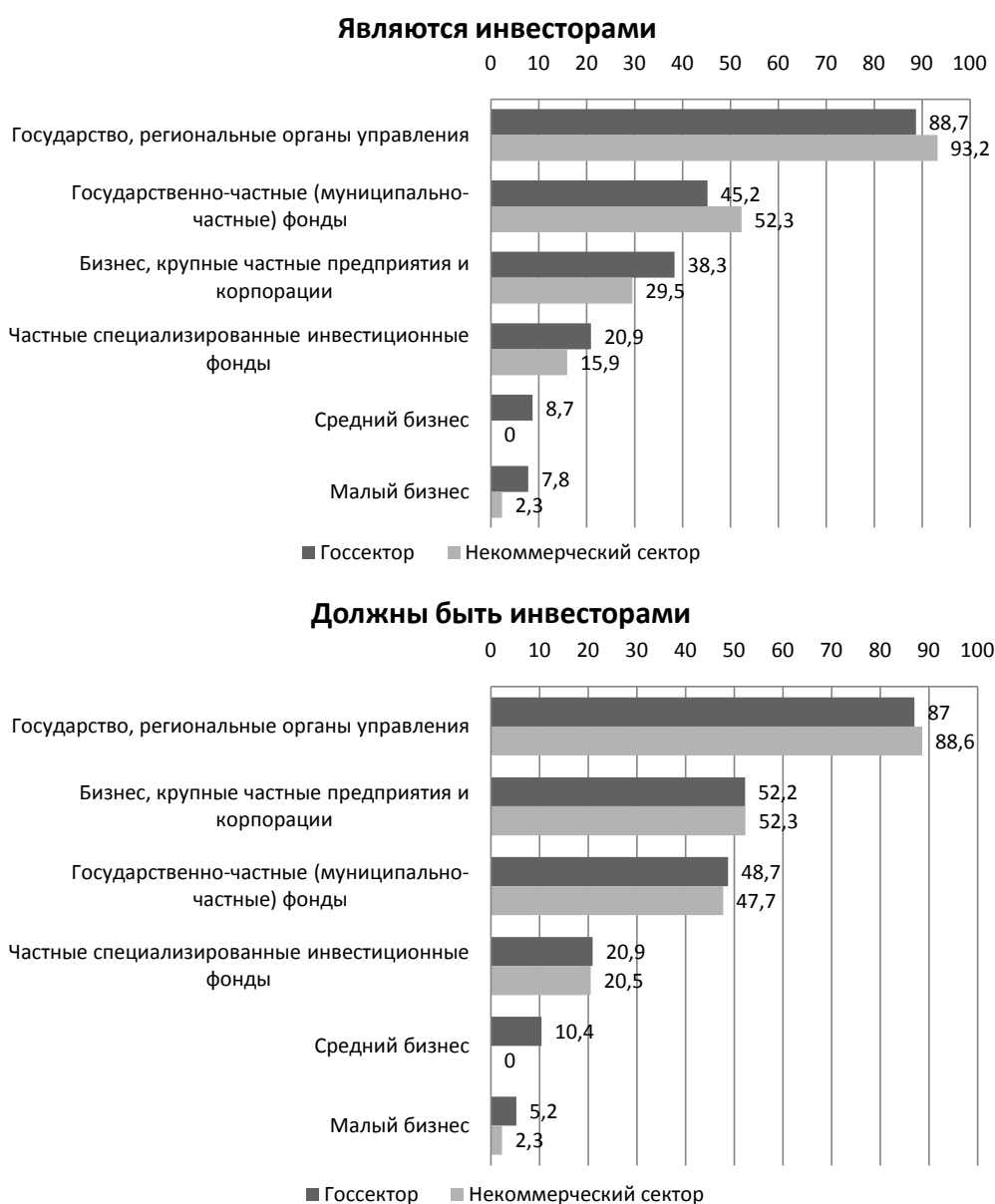

Рис. 1. Основные действующие инвесторы в решении социальных проблем, по мнению респондентов, % от числа ответивших

Источник: расчеты авторов

Виды социального инвестирования

Наиболее востребованными видами инвестирования для решения социальных вопросов в регионах, по мнению экспертов, являются финансовые вложения (78,3% респондентов отметили данный вид инвестирования). Затем, согласно полученным ответам, существует потребность в кадровых (51,6%) и инфраструктурных инвестициях (49%), и только после – в технологических и инвестициях в цифровизацию социальной сферы (29,3%). При этом важно отметить, что представители региональных министерств социальной политики придают гораздо меньшую значимость финансовым инвестициям (41,7%), отдавая приоритет инвестированию в цифровую трансформацию сферы социального обслуживания (66,7%), инфраструктурным и кадровым инвестициям, которые будут способствовать системной трансформации сферы социального обслуживания. Сами поставщики социальных услуг, выбирая финансовые инвестиции, ожидаемо нацелены на инвестиции, которые они могут перенаправить для решения оперативных задач.

Поддержка социально-ориентированных НКО как направления социального инвестирования

Одно из основных направлений социального инвестирования связано с поддержкой некоммерческого сектора. Необходимость привлечения государством некоммерческого сектора в сферу социальных услуг участники опроса объясняют в первую очередь его ролью как социального партнера в межсекторном взаимодействии по реализации социальной политики – так считают 57,1% опрошенных. Потребность органов управления в НКО как поставщиках социальных услуг связана, согласно мнению респондентов, прежде всего с тем, что НКО ориентированы не на доход, а на выполнение социальной миссии и способны привлекать дополнительные средства для решения социальных вопросов (44,8% и 46,1% соответственно). Треть экспертов в качестве причины, определяющей необходимость привлечения НКО в социальное обслуживание граждан, отметили инновационность подходов НКО при предоставлении услуг, а каждый четвертый участник опроса выделил способность НКО к индивидуальной работе с получателями услуг. Однако наличие заинтересованности у региональных органов управления инвестировать средства в развитие некоммерческого сектора социальных услуг признали 42,8% респондентов, остальные либо не считают, что местные власти проявляют интерес к социальной деятельности НКО, либо затруднились оценить отношение местной власти к НКО как поставщикам социальных услуг. При этом сами представители региональных министерств отмечают, что они заинтересованы в развитии НКО, и что государство выделяет значительные средства на развитие данного сектора.

Наиболее ожидаемыми источниками инвестирования в развитие НКО эксперты назвали субсидии из государственного бюджета разного уровня и гранты (соответственно 71,5% и 66,2%). Значительно меньшее число ответивших указывали на такие возможные способы инвестирования, как льготные или беспроцентные кредиты (15,2% и 9,9% соответственно), общественные средства, собранные, к примеру, на краудфандинговых платформах (13,2%), или средства частных инвесторов (9,3%). Всего несколько респондентов отметили другие инструменты инвестирования, такие как компенсация банковской процентной ставки за счет средств сторонней организации, займы/микрораймы, лизинговые платежи, венчурные инвестиции.

Для ускоренного развития некоммерческого сектора социальных услуг эксперты выделили три наиболее актуальных направления: социально-проектную деятельность, в которой, по их мнению, и проявляется инновационность НКО; развитие инфраструктуры для организации их полноценной работы, которую НКО из-за сохраняющейся финансовой неустойчивости нередко не в состоянии себе обеспечить; и образовательную подготовку кадров, повышение квалификации сотрудников НКО. Следующее по значимости направление инвестирования касается информационного продвижения НКО, что требует значительных затрат на фоне слабой информированности населения о новых региональных поставщиках социальных услуг. Для вхождения НКО в сферу социальных услуг, по мнению экспертов, также необходимо расширение цифровых возможностей их деятельности. Идея инвестирования непосредственно в получателей услуг, обращающихся в НКО, не получила должного интереса среди экспертных групп.

Социальное инвестирование и социальное предпринимательство

Наряду с некоммерческими организациями другим перспективным участником, с которым связано не только развитие социальных услуг, но в целом трансформация социальной сферы в процессе ее разгосударствления, являются социальные предприниматели. Отношение к социально-предпринимательской деятельности, как и к НКО, определялось на основе понимания роли социальных предпринимателей в качестве акторов социальной политики государства. Эксперты считают, что благодаря деятельности социальных предпри-

нимателей происходит расширение получателей социальных услуг (67,1%) и создание рабочих мест, что увеличивает занятость населения (40,0%). При этом многие участники опроса подчеркнули, что социальные предприятия в состоянии решать вопросы, на которые у региональных органов управления не хватает ресурсов (41,9%), они способны гибко реагировать на запросы населения, предоставляя разнообразные и качественные услуги, хотя и на основе собственной выгоды (30,3%). Особого внимания заслуживает мнение, разделяемое каждым пятым респондентом, что социальные предприниматели способны «продвигать» региональные социальные проблемы на публичные арены, тем самым активизируя других участников на активный поиск решения тех или иных проблем. В целом есть все основания утверждать, что социальные предприниматели воспринимаются в регионах как новые участники социального партнерства, обладающие разнообразными ресурсами для социальных изменений. В то же время лишь незначительная часть экспертов (13,1%) усматривает в социально-предпринимательской деятельности источник пополнения региональных бюджетов. Иными словами, в общественном мнении феномен социального предпринимательства в первую очередь связан с достижением социальных целей, чем экономических. При этом подавляющее большинство участников опроса (62,1%) признают, что, решая социальные вопросы, социальные предприниматели заинтересованы одновременно в получении экономической выгоды, предоставляют платные услуги и нацелены на производство услуг, приносящих доход. И лишь незначительная часть экспертов согласилась с утверждением, что социальные предприниматели решают свои задачи, прикрываясь социальной миссией (8,5%). Отношение к социально-предпринимательской деятельности, таким образом, имеет неоднозначный характер, но соответствует утвердившимся в мировой практике представлениям об изначальной установке социальных предпринимателей на достижение социального эффекта. Даже с учетом приведенных выше противоречий социальный бизнес, по мнению экспертов, имеет достаточно высокий потенциал инвестирования в решение социальных проблем. На рис. 2 представлены наиболее перспективные сферы и направления для развития социального предпринимательства.

Рис. 2. Сферы социального инвестирования и предпринимательства по результатам экспертного опроса, по шкале от 1 до 5

Источник: расчеты авторов

К числу трех приоритетных направлений социального инвестирования и социально-предпринимательской деятельности в соответствии с полученными данными относятся вопросы помощи социально уязвимым группам населения, обеспечения занятости, профилактики зависимого и девиантного поведения. Выбранные участниками опроса приоритеты свидетельствуют о том, что инвестиции необходимы в первую очередь в сферы, располагающие функциональными возможностями в отношении социальных групп, которые могут вернуться на рынок труда; затем следуют инвестиции в будущее поколение – детство, молодежь, и лишь

затем – в людей старшего возраста – здоровье, активное долголетие (рис. 2). Как следует из приведенных на рисунке данных, цифровые технологии не рассматриваются представителями регионов как актуальное направление инвестирования и социально-предпринимательской деятельности, и это обстоятельство требует самостоятельного обсуждения, поскольку, на наш взгляд, свидетельствует о недостаточном понимании современных форм и методов оказания социальных услуг и значимости цифровизации социальных услуг (Бородкина, Старшинова, 2021).

Основным фактором, сдерживающим развитие социального предпринимательства, экспертное сообщество признает отсутствие готовности заинтересованных граждан заниматься социально-предпринимательской деятельностью (54,2%). Кроме того, в регионах ощущается недостаток частных инвесторов, заинтересованных вкладывать средства в социальные предприятия (52,3%), и пока еще не сложились необходимые организационные условия для эффективного взаимодействия органов власти, инвесторов и социальных предпринимателей (38,7%). Нормативно-правовое регулирование социально-предпринимательской деятельности характеризуется экспертами как недостаточно развитое (30,3%). И, наконец, по мнению почти четверти участников опроса, региональные власти не проявляют интереса к стимулированию социального предпринимательства (23,2%).

Среди первостепенных направлений для инвестиций, содействующих социальному предпринимательству, участники опроса выделили инфраструктурные инвестиции, инвестиции в программы преодоления кризисных ситуаций социальных предприятий, образование и обучение социальных предпринимателей и информационно-консультационное сопровождение. При этом подавляющее большинство представителей предпринимательского сообщества считают, что наиболее востребованная сфера для инвестиций – это развитие инфраструктуры поддержки социального бизнеса. В то же время социальные предприниматели не видят необходимости инвестиций для преодоления кризисных ситуаций на своих предприятиях, очевидно полагая, что социальные предприниматели, как и любые другие предприниматели, в своей повседневной деятельности ориентированы не на внешние ресурсы, а на внутренние. Следует отметить, что ровно половина участвующих в опросе социальных предпринимателей считает, что для развития социального предпринимательства в сфере социальных услуг им необходимы инфраструктурные инвестиции и поддержка, обеспечивающая доступ к бюджетному финансированию.

Выводы

В современном обществе социальное инвестирование является одним из приоритетных направлений решения социальных проблем. Анализ полученных данных позволяет выделить несколько проблемных зон, препятствующих развитию социального инвестирования в России. Низкая информированность экспертов о переформатировании государственной социальной политики демонстрирует, что вопросы развития рынка социальных услуг, некоммерческих организаций, социального предпринимательства и социального инвестирования не входят в информационную повестку региональных властей. Кроме того, очевидно, что в профессиональной среде еще не сложилось однозначного понимания политики социального инвестирования, и этот вопрос недостаточно обсуждается как в экспертной среде, так и в общественном поле. Политика социального инвестирования в первую очередь ассоциируется с деятельностью государства по повышению эффективности социальной политики на региональном уровне. Поэтому эксперты рассматривают государство, местные органы управления, государственно-частные (муниципально-частные) фонды, аккумулирующие средства на социальное инвестирование, в качестве основных инвесторов в решение социальных проблем, а гранты и субсидии из федерального, регионального, муниципального бюджета – как основные инструменты инвестиционной политики. Другими словами, на государство возлагаются обязанности не только создавать правовой контекст развития социального инвестирования, но и выступать главным инвестором, что отчасти противоречит современным трендам развития эффективных рыночных механизмов в сфере социальных услуг. Частный бизнес рассматривается в качестве игрока на поле социального инвестирования только во вторую очередь. При этом значимая роль отводится крупному бизнесу (предприятиям и корпорациям) и частным специализированным инвестиционным фондам.

Социальное инвестирование в деятельность НКО обосновывается их надежностью и инновационностью как поставщиков социальных услуг, возможностью привлекать к решению социальных проблем дополнительные средства и ресурсы, которыми не располагают государственные учреждения и частные предприятия. Необходимость инвестиций в социальное предпринимательство определяется новыми возможностями решения таких вопросов, как создание рабочих мест, расширение спектра и качества социальных услуг, а также новыми подходами к социальным проблемам, которые, как правило, оказываются за рамками социальной

политики. При этом государство, будучи главным социальным инвестором, по мнению экспертов, должно сохранять функцию контроля их деятельности. Для развития социального предпринимательства необходимы вложения в сферу образования и переподготовки кадров для данного вида предпринимательской деятельности, а также инфраструктурные инвестиции. Два основных фактора, по мнению руководителей и специалистов социальных служб, создают риски, способные оказать существенное влияние на сдерживание политики социального инвестирования и социального предпринимательства, – незаинтересованность региональных органов управления и отсутствие интереса самих граждан к участию в социально-предпринимательской деятельности, направленной на производство социальных благ, включая потенциальных частных инвесторов.

Результаты проведенного исследования также говорят о необходимости активного продвижения политики социального инвестирования, при этом ключевым инструментом подхода, связанного с социальным инвестированием, является стратегия, ориентированная на социальные услуги, поскольку данное направление максимально способствует развитию экономики и занятости (Ahn, 2011; Ahn and Kim, 2015).

По мнению ряда исследователей, для того чтобы социальное инвестирование могло стать основой социальной политики, необходимо, во-первых, восстановить баланс между правами и обязанностями на рынке труда, принимая во внимание «проблему ухода за нуждающимися, что должно привести к разработке стратегии обеспечения достойного уровня жизни для лиц, осуществляющих уход, а также для людей, нуждающихся в уходе». Во-вторых, следует очень осторожно реализовывать политику, основанную на концепции индивидуальной ответственности, чтобы избежать обвинения жертвы и усиления существующего неравенства. Кроме того, «не следует чрезмерно оптимистично оценивать потенциал инвестиций в человеческий капитал для борьбы с социальным неравенством из-за наличия негативных последствий эффекта Матфея» (Cantillon and van Lancker, 2013: 561).

Дальнейшее развитие инвестирования сферы социальных услуг требует не только роста государственных инвестиций, но и привлечения частных инвесторов. Программы социального инвестирования должны сопровождаться эффективными информационными кампаниями по разъяснению и обсуждению направлений, механизмов и эффектов инвестирования сферы социальных услуг. Безусловно, социальное инвестирование остается одной из актуальных областей социально-политических исследований, а политика социального инвестирования должна стать предметом публичных дискуссий.

Литература / References

- Беневоленский В.Б., Шмудевич Е.О. (2013). Государственная поддержка социально ориентированных НКО в свете зарубежного опыта. *Проблемы государственного и муниципального управления* (3), 66–73. [Benevolenskij, V., Shmulevich, E. (2013). State support of socially oriented NGOs considering foreign experience. *Issues of State and Municipal Administration* (3), 66–73 (in Russian)].
- Бородкина О.И., Старшинова А.В. (ред.) (2020). *Социальное предпринимательство и инвестирование: от теории к практике*. СПб.: Скифия-принт, 350 с. [Borodkina, O., Starshinova, A. (eds.) (2020). *Social Entrepreneurship and Investment: From Theory to Practice*. Saint Petersburg: Skifia-Print, 350 p. (in Russian)].
- Бородкина О.И., Старшинова А.В. (ред.) (2021) *Актуальные проблемы цифровизация социальных услуг*. СПб.: Скифия-принт, 232 с. [Borodkina, O., Starshinova, A. (eds.) (2021). *The Current Problems of Social Services Digitalization*. Saint Petersburg: Skifia-Print, 232 p. (in Russian)].
- Ильин А.Н. (2015). Социальная атомизация и ослабление политической активности в условиях консюмеризма. *Знание. Понимание. Умение* (5). [Ilyin, A. (2015). Social atomization and the slackening of political activity under conditions of consumerism. *Knowledge. Understanding. Skill* (5) (in Russian)]. www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/5/Ilyin_Social-AtomizationConsumerism
- Коулман Дж. (2001). Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность* (3), 121–139. [Coleman, J. (2001). Social and human capital. *Social sciences and modernity* (3), 121–139 (in Russian)].
- Лапин Н.И. (2016). Симптомы социогуманитарной рецессии и способы укрепления социального государства. *Общественные науки и современность* (5), 19–29. [Lapin, N. (2016). Symptoms of socio-humanitarian recession and ways to strengthen the social state. *Social Sciences and Modernity* (5), 19–29 (in Russian)].
- Плискевич Н.М. (2019). Архаика институтов и архаика патернализма: есть ли взаимосвязь? *Вопросы теоретической экономики* (1), 100–115. [Pliskevich, N. (2019). Archaic of institutes and archaic of paternalism: Is there a connection? *Theoretical Economics* (1), 100–115 (in Russian)]. DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10108
- Розанваллон П. (1997). *Новый социальный вопрос. Переосмысливая государство всеобщего благосостояния*. М.: Ad Marginem. [Rosanvallon, P. (1997). *The New Social Question. Rethinking the Welfare State*. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian)].

- Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В., Ромашкин Г.С., Латова Н.В. (2009). Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемент социального капитала современной России. *Журнал институциональных исследований* **1**(1), 20–35. [Sasaki, M., Davydenko, V., Latov, Yu., Romashkin, G., Latova, N. (2009). Problems and paradoxes of analysis of institutional trust as an element of social capital in modern Russia. *Journal of institutional research* **1**(1), 20–35 (in Russian)].
- Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В., Ромашкин Г.С. (2010). Доверие как элемент социального капитала современной России (компаративистский анализ). *Мир России. Социология. Этнология* **19**(2), 78–97. [Sasaki, M., Davydenko, V., Latov, Yu., Romashkin, G. (2010). Trust as an element of the social capital of modern Russia (comparative analysis). *The World of Russia=Mir Rossii. Sociology. Ethnology* **19**(2), 78–97 (in Russian)].
- Соболева И.В., Чубарова Т.В. (2017). Вызовы для социальной политики России: необходимость новой модели. *Экономическая наука современной России* (3), 55–68. [Soboleva, I., Chubarova, T. (2017). Challenges for Russian social policy: The need for a new model. *Economics of Modern Russia* (3), 55–68 (in Russian)].
- Старшинова А.В. (2019). Противоречия мотивации учащейся молодежи к деятельности в волонтерских организациях. *Образование и наука* **21**(10), 143–166. [Starshinova, A. (2019). Contradictions of students' motivation for participation in the activities of voluntary organisations. *The Education and Science Journal* **21**(10), 143–166 (in Russian)]. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-10-143-166
- Старшинова А.В., Бородкина О.И. (2020). Деятельность НКО в сфере социальных услуг: общественные ожидания и региональные практики. *Журнал исследований социальной политики* **18**(3), 411–428. [Starshinova, A., Borodkina, O. (2020). NGOs' activities in social services: Public expectations and regional practices. *Journal of Social Policy Studies* **18**(3), 411–428 (in Russian)]. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-3-411-428
- Тихонова Н.Е. (2019). Социальная политика в современной России: новые системные вызовы. *Общественные науки и современность* (2), 5–18. [Tikhonova, N. (2018). Social policy in modern Russia: New systemic challenges. *Social Sciences and Modernity* (2), 5–18 (in Russian)]. DOI: 10.31857/S086904990004334-9
- Фукуяма Ф. (2008). *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. М.: АСТ, 736 с. [Fukuyama, F. (2008). *Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity*. Moscow: AST Publ., 736 p. (in Russian)].
- Ahn, S.-H. (2011). Sustainability of social service strategy. *Korean Economic Journal* **50**(3), 263–294.
- Ahn, S.-H., Kim S.-W. (2015) Social investment, social service and the economic performance of welfare states. *International Journal of Social Welfare* **24**, 109–119. DOI: 10.1111/ijsw.12094
- Bakker, V., Van Vliet O. (2021). Social investment, employment and policy and institutional complementarities: A comparative analysis across 26 OECD countries. *Journal of Social Policy* **24**(1), 1–23. DOI: 10.1017/S0047279421000386
- Bonoli, G., Natali, D. (eds.) (2012). *The Politics of the New Welfare State*. Oxford: Oxford University Press.
- Cantillon, B., Van Lancker, W. (2013). Three short-comings of the Social Investment Perspective. *Social Policy and Society* **12**(4), 553–564. DOI: 10.1017/S1474746413000080
- Esping-Andersen, G. (1996). After the Golden Age? Welfare State Dilemmas in a Global Economy. In: *Welfare States in Transition. National Adaptations in Global Economies*. London: UNRISD, pp. 157–189.
- Esping-Andersen, G., Gallie D., Hemerijck, A., Myles, J. (2002). *Why We Need a New Welfare State*. Oxford: Oxford University Press.
- Giddens, A. (2000). *The Third Way and its Critics*. Cambridge: Polity Press.
- Guliyeva, A., Chunikhina, N., Guliyeva, A., Abdulova, A. (2019). Investing in human capital and assimilation of economic development. *Terra Economicus* **17**(1), 64–76. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-1-64-76
- Hemerijck, A. (2013). *Changing Welfare States*. Oxford: Oxford University Press.
- Jenson, J., Saint-Martin, D. (2003). New routes to social cohesion? Citizenship and the social investment state. *Canadian Journal of Sociology* **28**(1), 77–99.
- Morel, N., Palier, B., Palme, J. (eds.). (2012). *Towards a Social Investment Welfare State?: Ideas, Policies and Challenges*. Bristol: The Policy Press.
- Patel, M., Sotsky, J., Gourley, S., Houghton, D. (2013). *The Emergence of Civic Tech: Investments in a Growing Field*. Knight Foundation.
- Persson, T., Tabellini, G. (1994). Is inequality harmful for growth? *American Economic Review* **76**(1), 191–203.
- Sen, A. (1993). Capability and well-being. In: Nussbaum, M. and Sen, A. (eds.) *The Quality of Life*. Oxford: Clarendon Press, pp. 30–53.
- Smyth, P., Deeming, C. (2016). The “Social Investment Perspective” in social policy: A longue durée perspective. *Social Policy & Administration* **50**(6), 673–690. DOI: 10.1111/spol.12255
- Taylor-Gooby, P. (ed.) (2004). *New Risks, New Welfare: The Transformation of the European Welfare State*. New York: Oxford University Press.
- Taylor-Gooby, P. (2008). The New Welfare State Settlement in Europe. *European Societies* **10**(1), 3–24.